НОЯБРЬ 1926 ГОД № 43 ЦЕНА 15 КОП.

ПО РУКАМ, ПО НОГАМ...

Капиталист: — Гм... Уже девять! А потом будет десять... одиннадцать... и пальцев на руках не хватит считать! На ногах считать придется... А там и ног не хватит... С ног свалишься!

ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Девятилетний юбилей.
Окрепли. Выравнялись. Точка.
А сколько доблестных вралей
Нам не сулили и годочка!

Я твердо помню первый год:
Что сутки новые, то с рынка
О нашей гибели несет
Мне весть испуганная жинка.

В глазах несчастной свет померк,
Терзает легкие одышка:
Сегодня вторник, а в четверг —
Ниспровержение и крышка!

А сколько рабьих душ кругом,
В квартирах запертых, бывало,
Дышало этим четвергом
И „жертвам" письма посылало!

„Терпеть довольно, мол,—конец!
Пора! Поползали на брюхе!
Жди близкой гибели, подлец!"
И прочая, в таком же духе.

А ночью, к двери—белый лист,
Столярным прикрепленный клеем:
„Василий Князев. Коммунист.
Чекист. Кончайте со злодеем!!"

Но вот промчалось девять лет,
И зажил ран тяжелых рубчик...
Где месть? Где ненависть? Их нет!
— „Василь Васильевич, голубчик!..

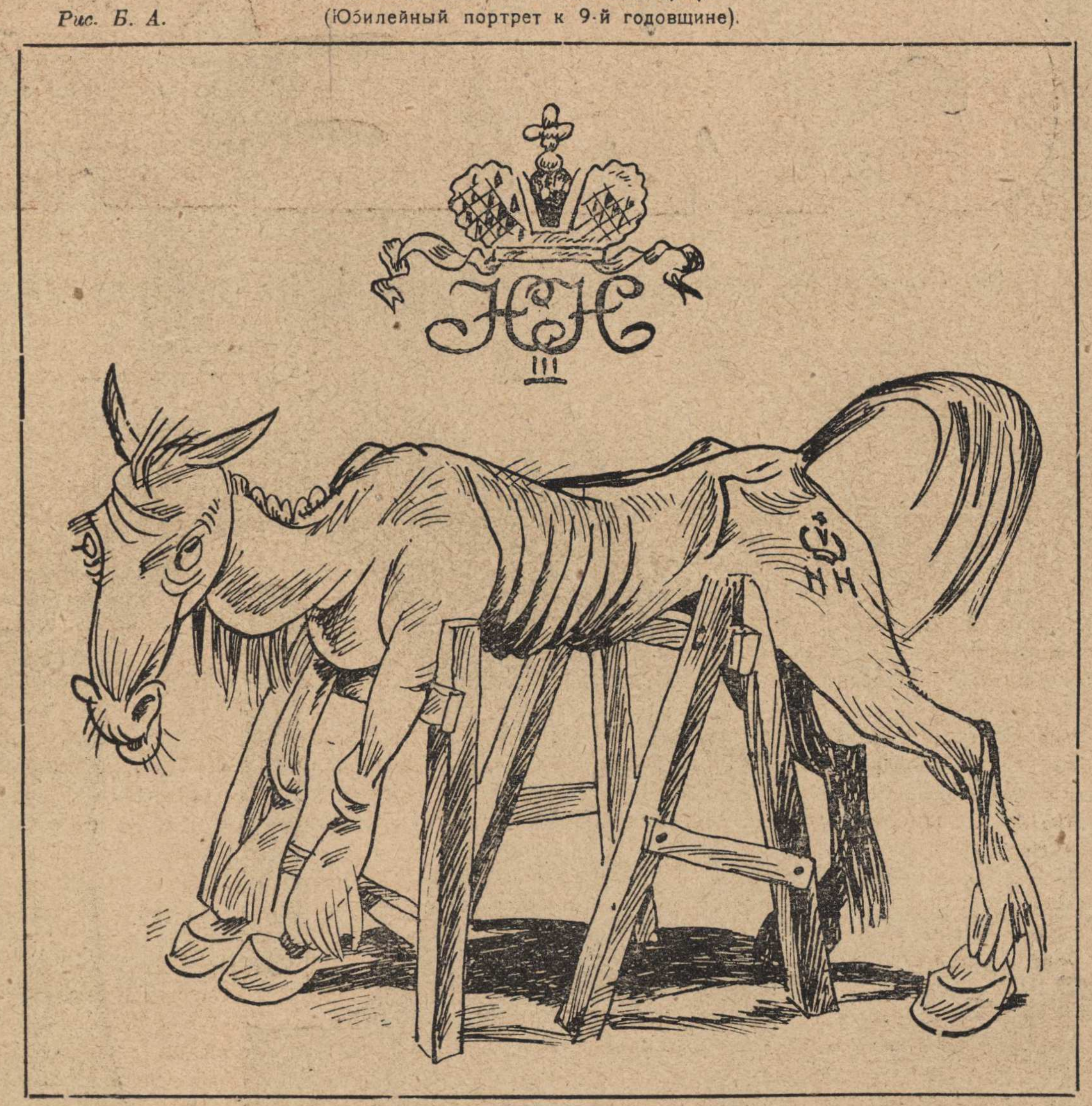
Забыли?.. Друг ваш бывший, Берг..."
Гляжу: меха; сигара; в теле...
Сменил каратель свой „четверг"
На восемь пятниц на неделе!

В. Князев

БЕЛАЯ ЛОШАДЬ

Рис. Б. А.

(Юбилейный портрет к 9-й годовщине).

БЫЛ КОНЬ, ДА ИЗЪЕЗДИЛСЯ.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ

Началось с простого совещания, но когда все были в сборе, как-то само собой из всех грудей вырвался единодушный крик:

— Манифест! Манифест!

Самый богатый из капиталистов (золотые зубы, платиновый нос с крупным бриллиантом на переносице и длинные уши из чистого серебра) прямо сказал:

— «Они» бьют нас на всех пунктах потому, что у «них» есть манифест. Нам нужно также. Без этого ничего не выйдет.

И опять раздался крик, еще громче прежнего:

— Манифест! Манифест!

Один из финансистов, миллиардер среднего калибра (лоб из простой меди, глаза—дешевенькие, телячьи, и щеки, похожие на самое дешевое блюдо—на свиной студень) предложил текст. Начинался он так:

— «Призрак коммунизма бродит по Европе».

Но тут некоторые закричали:

— Не годится. Скажут, что мы обкрадываем пролетариат. Это, ведь, из коммунистического манифеста...

Миллиардер среднего калибра обиделся:

— Позвольте—сказал он сердито—разве это уже перестало быть нашей основной профессией? Наши отцы и деды только оттого и богатели, что обкрадывали пролетариат. Если мы перестанем обкрадывать пролетариат, то сами сделаемся пролетариями. Мы обкрадывали их на триллионы, а тут две строчки...

Собрание согласилось, что оратор прав. Самый богатый, о котором мы уже упомянули раньше, нахмурил даже брови (из лучшей верблюжьей шерсти) и процедил сквозь зубы:

— Я вижу, что легкомыслие проникло в среду нашего общества. Мы начинаем отступать от наших старых традиций. Мы начинаем забывать, что мошенничество, воровство и грабеж суть лучшие украшения миллиардера... Продолжайте, достоуважаемый коллега.

Последние слова относились к миллиардеру средней руки, который, весь просияв, стал продолжать:

— Призрак коммунизма бродит...

Какой то голос опять прервал его:

— Какой там призрак! Хорошенький призрак! На прошлой неделе у меня всех управляющих на тачках вывезли и помяли порядком... Требуют сокращения рабочих часов.. Видали когда нибудь, чтобы призрак мял бока управляющим? Коммунизм уже не призрак... И не бродит он, а уж давно прибрел...

— Тогда, разве так...

Миллиардер среднего калибра уступчиво продолжал:

— Разве так... Маленькое измененьице... Коммунизм прибрел в Европу.

Послышались голоса:

— Только в Европу? А Америка? А Африка? А Азия? Австралия? Вообще, укажи мне такую обитель, я такого угла не видал, где бы... где бы.. Ну, словом, где-бы капитал не страдал...

— Что-же, можно и так: «Коммунизм прибрел на земной шар...».

— Сэры!—сказал первый богач:—властью своей (у меня пятьдесят миллиардов) приказываю принять первую строчку. Перейдем к дальнейшему. Продолжайте, сэр!

«Сэр» приступил к дальнейшему.

— Пролетариат наступает. Он берет у нас за крепостью крепость. Наш манифест должен иметь лозунгом: «Капиталисты всех стран, соединяйтесь»...

— И убирайтесь!

— Что-о-о?.. Кто сказал «убирайтесь»?!

— Тут кто то есть чужой!..

Все подозрительно смотрят друг на друга... На всех лицах недоумение Голос был такой четкий громкий и ясный...

— Продолжайте! Продолжайте!

Но дальнейшее сочинительство шло туго.

Каждому казалось, что вот-вот с потолка, из стен, из каждого кирпича раздастся снова зловещее «убирайтесь»! А вслед за ним появится рука, которая схватит их за шиворот и поможет «убраться».

О. Л. Д'Ор

НОВАЯ ПОСЛОВИЦА

Девятый месяц на свет рожает, девятый год укрепляет

ТЕЛЕГРАММА—МОЛНИЯ

Поздравляем дорогих читателей днем Октября точка ждем ответа какое из трех приложений 1927 году желательнее двоеточие АЛЬБОМ «ГЕРОЕВ» ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ запятая НОВЕЙШИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЕВЛАМПИЯ НАДЬКИНА или ВЕСЕЛЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СССР точка подробности письмом следующем номере

„Смехач“

ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК

Что ни говорите, а языки великое дело. Очень полезно всякие языки знать. Со мной однако из-за турецкого языка неприятность получилась. Лимоны на макушке давили. Факт.

Приехал я сюда, как вам известно в положении пиковом, но все же, не падая духом, заявился к земляку и родственнику Назар Павлычу Бултыхину, что здесь магазином заведует, и выкладываю ему вполне откровенно все пункты моей программы: вся надежда на тебя, на бога, да еще на биржу труда, но как там, конечно, очередь существует,—значит, какой может быть разговор?

— Правильно, — говорит, — долго разговаривать не приходится. Теперь даже во всех театрах в пьесе „Горе от ума“ прямо открытая пропаганда ведется, что, дескать, как не порадеть родному человеку.

— А совет мой,—говорит,—запишись завтра же на биржу труда со знанием турецкого языка и жди требования... А ты его пока изучай, этот язык... Через неделю мы тебя и потребуем.

—Помилуй, — говорю чуть не со слезами, — смыслимое ли это дело, чтобы за неделю три языка изучить... Я же по-турецки ничего не понимаю. А он смеется:

— Кто тебя просил понимать, ведь и они тоже ничего не понимают.

— Не горюй, Ваня, говорит,—не пропадешь, не даром у меня, все говорят, голова наркомовская варит, голубушка...

Записался это я, потом по магазинам пошел—грамматику доставать, чтобы хоть какие-нибудь исключения из турецких спряжений подзубрить на всякий случай, да как на зло по этому вопросу ни одной книжицы. Плюнул я с досады и пристал к одному айсору, что ботинки на улице чистит:

— На тебе,—говорю,—друг сердешный, рупь и говори мне разные свои слова тарабарские. Хочу твоему языку научиться.

Удивился он, конечно, сперва, но рупь тем не менее положил в ящичек и начал слова говорить, а я записываю, конечно, в книжечку.

Наконец, настал этот день, что слышу объявляют на бирже во всеуслышание:

— Требуется опытный приказчик в колониальный магазин с полным знанием турецких языков.

Ну, тут, конечно, народ всякий вертелся—одних колониальщиков, как говорится, двести семьдесят штук и все к окошечку кинулись, но услышавши, конечно, насчет языков только руками развели огорченно:

— Где уж мол...

Один я как какой-нибудь Кай Юльевич Цезарь выхожу вперед гордо и смело:

— Пожалуйста, говорю, к вашим услугам.

— Действительно,—спрашивают,—вы по-турецки свободно говорите?

Тогда я пожимаю этак плечами и начинаю крыть по-турецки разными словами, что у айсора записал,—и мне безо всяких задержек адрес дали магазина.

Смотрю—так и есть: магазин Бултыхова...

Понатаскался я за месяц там и ничего, приказчиком стал не хуже других. Очень мне все-таки знание языков пригодилось...

И вот однажды входит к нам один представительный мужчина смуглого вида лимоны покупать. Тип с виду не наш, а скорее всего на айсора похож.

— Вот,—думаю,—можно будет и знанием языков воспользоваться,—и начинаю ему те выписанные слова говорить, а я их крепко запомнил.

Смотрю, он меняется в лице, а затем берет лимоны и начинает их бить об мою голову... Ужасно, понимаете, кисло стало, даже слюна потекла, но я все-таки не растерялся и говорю ему:

— Что вы,—говорю,—гражданин? Нет еще, говорю, таких порядков у нас в СССР, чтобы порядочному человеку на макушке лимоны квасить, лимоны, говорю, в чай класть надо для вкуса...

— Пойдите,—говорит,—к чорту, а такие,—говорит,—порядки есть, чтобы покупателей по айсорской маме обкладывать?

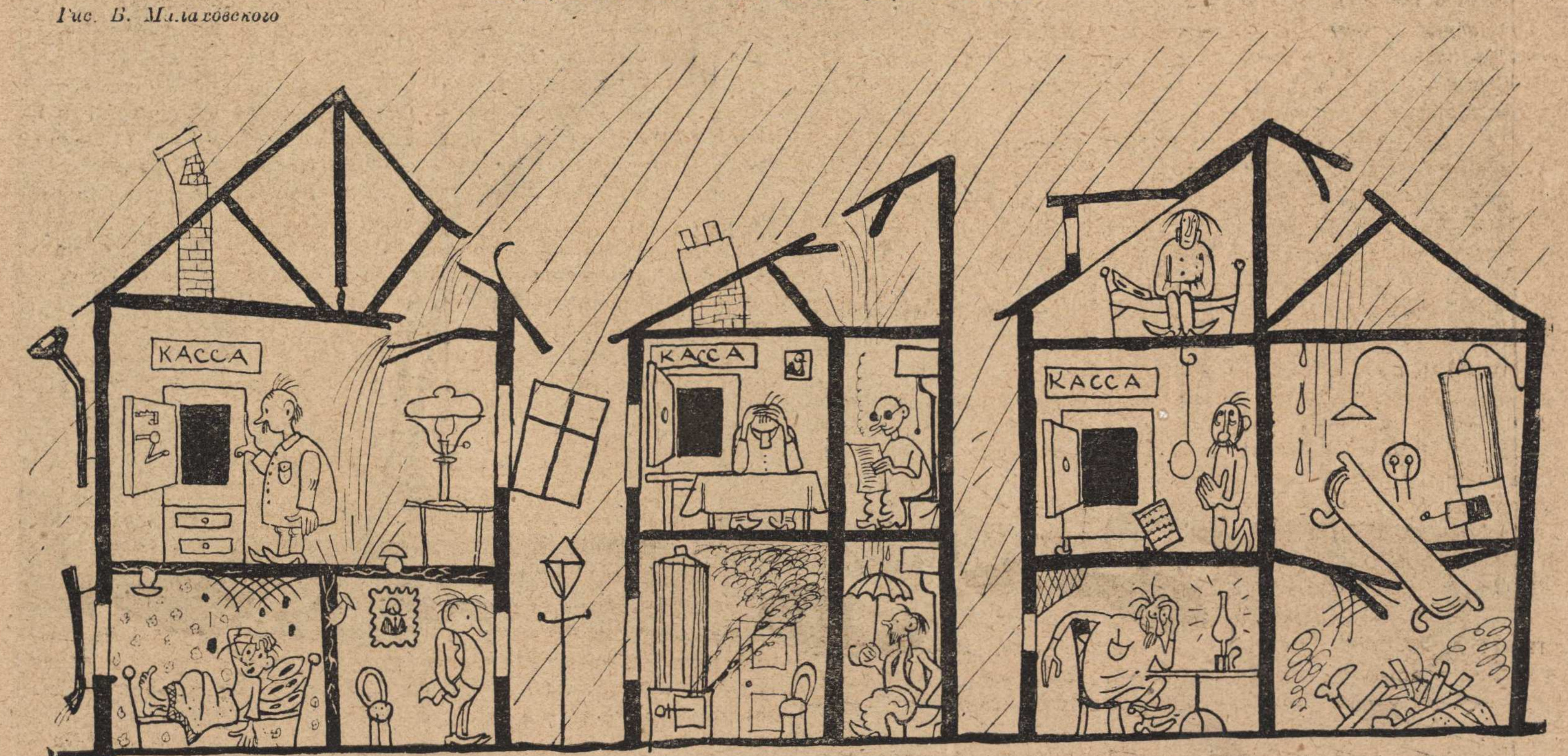
Понял я тогда, каким меня словам тот чистильщик обучал и прямо сделал вывод:

— Нельзя в таком серьезном вопросе, как изучение языков, довериться первому встречному; можно, все-таки, попасть в неловкое положение, вот как я например...

С. Карташев

ОДНА И ТАЖЕ ДРАМА—

Рис. Б. Малаховского

В ТРЕХ ЖАКТАХ

В ДВУХ СЛОВАХ

Конечно, пока что этого нет... На всех стенах висят эти плакаты в красках, гласящие:

«Не мешайте работать! Скажите ваше дело в двух словах»,—

и никто не обращает на них внимания. Но когда-нибудь заговорит вечный НОТ, и жизнь потечет бодро, лаконически—в двух словах. Вот она:

Человек родился. Говорить не умеет. Может только плакать. И он начинает реветь. А рев его значит в двух словах:

— Хочу жить!

Мать знает, что жить без еды нельзя. Она дает новорожденному грудь и добавляет два слова:

— На! Замолчи!

Ребенок растет. Юноша. Взрослый. Пора стать самостоятельным. Приходит в трест и говорит в двух словах:

— Я—счетовод!

И ему отвечают вопросом. Вопросом в двух словах:

— Член профсоюза?

Дальше текут дни... Человек много работает на службе. А два раза в месяц он подходит к сетке кассы и спрашивает кассира в двух словах:

— Когда получка?

А в дни получки человек становится веселым и, заходя на часок в пивнушку, говорит в двух словах:

— Пару пива!

Потом человек встречает на своем пути женщину. Он даже не знает, красива ли она, но тем не менее говорит ей в двух словах:

— Люблю тебя!

А через год женщина, ответившая на любовь, злобно говорит человеку в двух словах:

— Плати алименты!

Годы бегут... Человек женился. У него дети. Дополнительные расходы. Человек заявляет заву в двух словах:

— Прибавьте разряд!

Но зав, пожимая плечами, отрицательно кивая головой, отказывает в двух словах:

— Режим экономии!

Вертится колесо календаря. Радость и разочарование сменяют друг друга, и выражаются они в двух словах:

— Снижение цен!

— Сокращение штатов!

— Декретный отпуск!

— Повышение квартплаты!

Стар стал человек... Седой он. Силы падают. Человек зовет коммунального врача и тихо заявляет в двух словах:

— Сердце пошаливает!

А врач, раздраженный тем что больной живет на шестом этаже, что визит к нему,—это десятый сверхурочный визит, жестко, не щадя человека, говорит в двух словах:

— Надежд нет!

На-завтра дочь человека прибегает возбужденная и плачущая в загс и, истерически пробивая толпу, единым духом в двух словах выпаливает заведующему отделом смертей:

— Папа умер!

Но зав отделом смертей глух к чужому горю. Он любит только порядок и больше ничего. Он видит, что девушка подбежала к стойке вне очереди. Он знает, что сейчас толпа начнет шуметь. А потому бросает отчетливо и резко в двух словах:

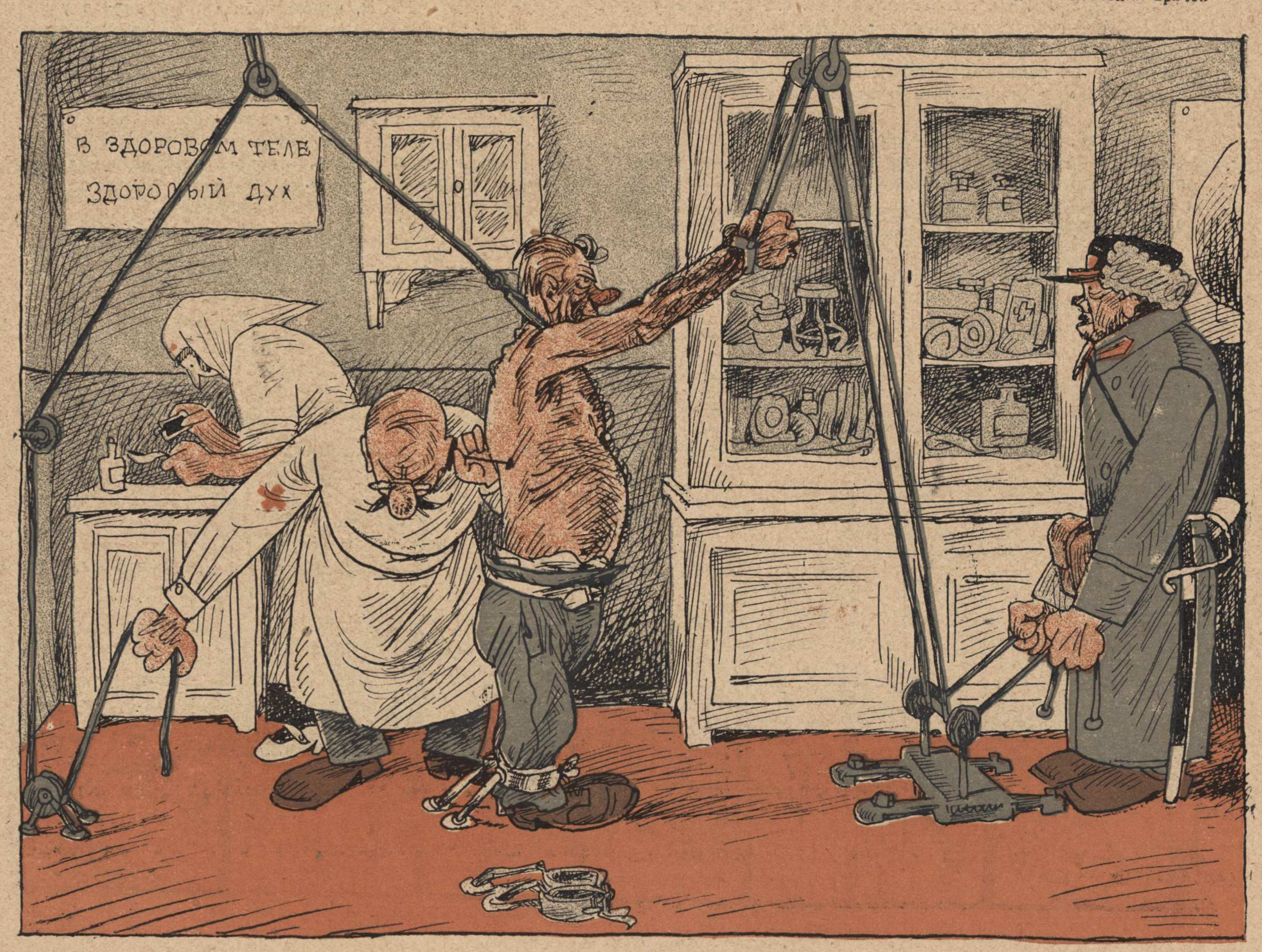
— Соблюдайте очередь!

М. Коварский

МЕДИЦИНА ВО ВСЕОРУЖИИ

Рис Б. Антоновского

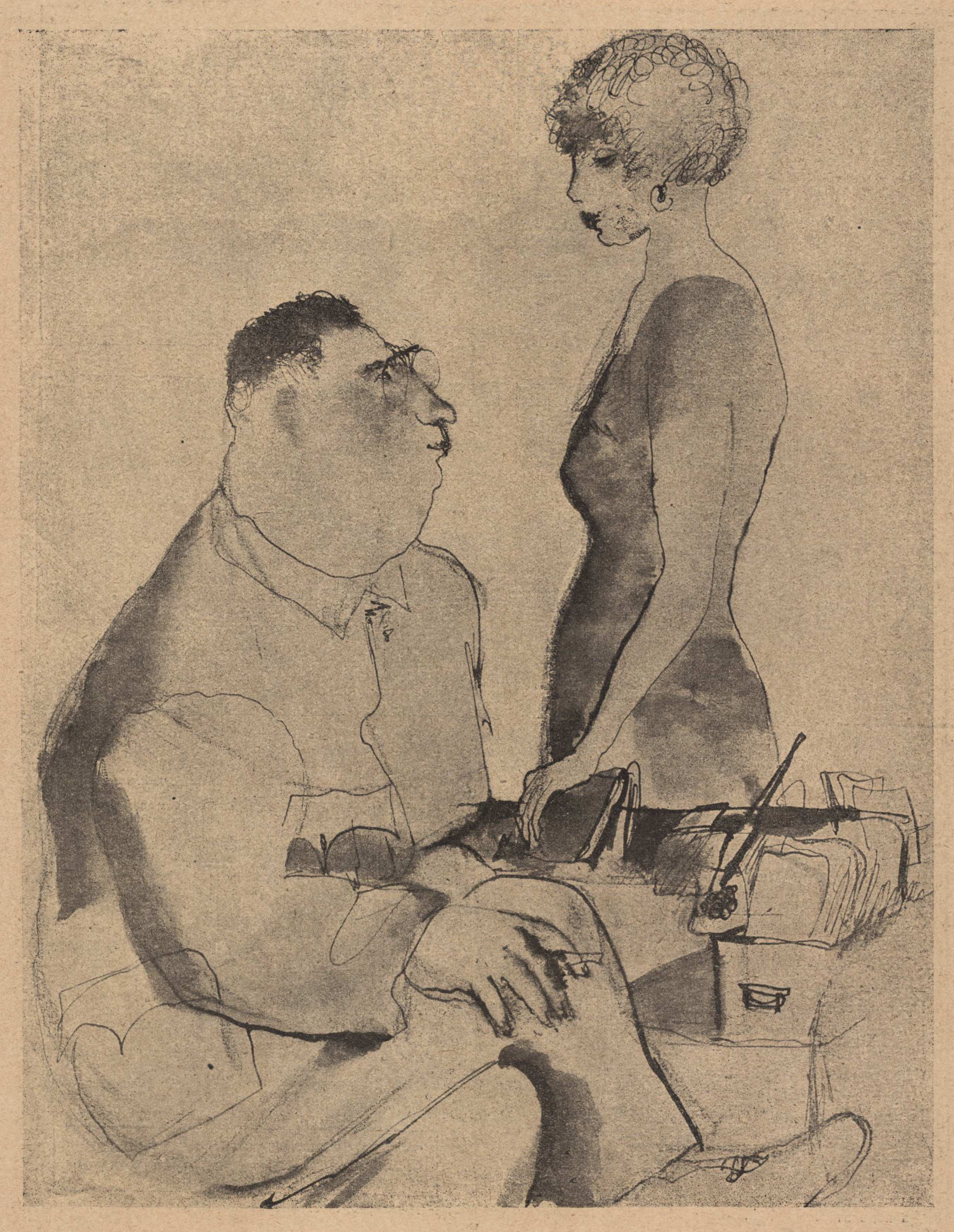
К эпидемии избиения врачей

ПРОЕКТ „СМЕХАЧА"

ПЕРСОНАЛЬНАЯ СТАВКА

Рис. В. Лебедева

Зав: — Марья Николаевна! Вы опять просите прибавки! Эго уже слишком! Ей-богу, вам ста рублей за глаза довольно!

Секретарша: — За глаза — допустим! Ну, а за остальное?..

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Рис. Б. Малаховского.

В Ленинграде открывается дом для отрезвления пьяных. Все штрафы с пьяных пойдут на содержание дома *«Красная Газета»*

1. Дом вытрезвления.

2. Штраф.

3. Очередь.

4. Опять дом вытрезвления. (См. рис. № 2 и т. д.)

РЕКОРД

(Для мелодекламации)

Утонувши в объятьях директорских кресел,
Он пыхтел, как больной паровоз.

— Отчего ты, старик, молчалив и невесел?—
Я директору задал вопрос.

— И твоя машинистка веселая где же?
Отчего замолчал „Ундервуд"?—

И в ответ я услышал шипенье и скрежет:
— Хулиганка!.. Не место ей тут!..

— Но она же не знала Тэжэ и Брокаров—
Простодушна, скромна, как дитя...

Но она же в минуту три сотни ударов,
Говорят, наносила, шутя!

(Ничего не сказал. Улыбнулся лишь горько,—
Дескать, речи твои никчему.

И вздохнул, и скривился, как будто касторка
В этот миг отрыгнулась ему).

...— И притом же писала так четко и чисто...
Разве можно такую за борт?!

Ты подумай: не сто и не двести, а триста!—
Да ведь это же сила!.. Рекорд!!!

— Мне ль не чувствовать силы в подобном рекорде!—
Зашипел он, вскочивши со зла:

Ведь она... *эти триста ударов по морде
Мне в минуту, как раз, нанесла!*

Альми

ЛИФТ

Посвящ. тов. Г—ру.

В нашем доме, как и полагается для всякого приличного семиэтажного дома, имелся неисправный лифт. Девять лет он твердо стоял, не двигаясь ни вверх, ни вниз. Девять лет жильцы шипели насчет лифта, каждый по-своему, применительно к своим интересам.

— Ишь, дескать, стоит!—злобно говорили одни:—Если бы также крепко стояли на посту наши правленцы!

Другие смотрели с медицинской точки зрения:

— Господи! Идешь-идешь, прешься наверх, кажный день раза три четыре. Этак все кишки до срока сносишь!..

Наконец, были еще и третьи: они мало интересовались лифтом, потому что жили не выше второго этажа, и даже, наоборот,—радовались, что лифт испорчен.

— Жирно—лифты пускать! И кчему этот буржуазный предрассудок? У них наверху и так квартиры лучше на наших: светлые, теплые...

На собраньях эти третьи старались сорвать всякие разговоры о ремонте лифта, упирая на режим экономии.

И, может быть, так бы оно оставалось и впредь, еслибы не одно непредвиденное обстоятельство.

После перевыборов правления, получилась такая фатальная картинка: все члены правления оказались живущими на четвертом этаже и выше. Этого было довольно, чтобы в судьбе лифта произошел резкий перелом.

Срочно приступили к его ремонту. А через две недели—пожалуйте, готово. Управдом Козявкин вывесил на лестнице новое объявление:

> Граждане! Прошу у лифте не плевать, окурков не бросать, а также кнопок не ковырять по причине технической установки. Перевозить дрова и домашний скот строго воспрещаетца, а также не кататся без естественной надобности.

Последний пункт строгого приказа, разумеется, никак не выполнялся вначале. Все жильцы повылазили из квартир и давай ездить вверх и вниз.

Обитатели нижних этажей тоже встали в очередь:

— Лифт на общие деньги починен, мол.

И, представьте, в самый первый день произошла очень странная трагическая история, жертвой которой сделался не кто иной, как управдом.

Как раз в этот день, когда задействовал лифт, управдом Козявкин вздумал поехать на четвертый этаж, осмотреть ватерклозет.

Вошел Козявкин внутрь кабинки, нажал кнопку — и машина, тихонько гудя, плавно без возражений, поперла вверх.

— Вот, что означает завоевание техники!—радостно думал Козявкин, в то же время зорко оглядывая, нет ли внутри техники окурков, плевков и других правонарушений. Но пока еще ничего такого не бросалось в глаза.

— Впопыхах не поспели,—решил управдом.

Между тем машина прошла третий этаж и доползала уже до четвертого. Вот и четвертый — сейчас сходить на остановке.

Уже Козявкин взялся за ручку двери, но в эту самую секунду пол под его ногами дрогнул и стал оседать вниз.

— Ах, черти жильцы! Вот народ!—крякнул Козявкин:—Это они внизу нажали кнопку... Доехать, ей-богу, не дали!

Вниз машина шла быстрее. Мелькнула сквозь узорчатую дверь площадка третьего, потом второго этажа. На площадках стоял народ.

— Очереди дожидают,—сообразил Козявкин.

Кабинка опустилась в первый этаж. Но едва только Козявкин нацелился на дверь, как машина скрипнула, будто вздохнув, и потащилась обратно наверх.

— Опять жмут кнопку верхние! Что ж это за беспорядок в движении!—осерчал управдом.

— Граждане!—кричал он, проезжая по очереди площадки:—Обождите жать! Не все разом! Очередь соблюдайте!

Но как же соблюдешь очередь, ежели народ стоит на семи этажах и жмет. Каждому — спешка, ждать неохота.

— Перестаньте, ей-богу, жать! — надрывался Козявкин:—Дозвольте сойти!

Но, как говорится, не тут-то было.

Доперлась машина до седьмого этажа, а дальше уже и некуда.

— Вылазьте! Кто там сидит? Что за безобразие! — кричат свирепо Козявкину:—Это вам не коммунальная уборная — сел и обрадовался!

Он, было, к двери. Но не поспел ручку ухватить, как машина резво побежала вниз.

— Жмут и жмут!—озадаченно сказал Козявкин, вспотев от огорченья:—Что ты будешь делать?!

Он уже и о ватерклозете в четвертом этаже давно забыл.

Тут бы хоть выбраться как-нибудь на волю...

— Техника! Вот возьму и выключу как есть усе кнопки!—рассвирепел Козявкин, стремительно пролетая этаж за этажом: Ен-телегенция тоже! Кнопки жать не умеют! Граж-дане! Честью прошу!! Дозвольте человеку выйти из положения!

Неизвестно, до каких бы пор это продолжалось, и где выход?

Но, как говорится,—все в конце концов кончается.

Длительная многоэтажная поездка управдома прекратилась в ту минуту, когда он уже махнул рукой, потеряв всякую надежду, и даже в нарушение правил, ожесточенно плюнул на пол. Машина, наконец, вдруг остановилась.

— Э! Что толку!—не поверил управдом:—Сейчас обратно повезут.

Но, однако, ничего подобного—не везут.

Управдом—к двери, А дверь не отворяется. А за дверью пустой воздух и никакой площадки.

— Так-с! — крякнул Козявкин: — С чем и проздравляю: в промежности застрял, промеж этажами! Дожались, черти: спортили механизм!

На всех площадках слышались голоса.. По лестницам стучали ноги.

— В чем дело?—кричали сверху.—Почему лифт не идет?

— Испортился. Управдома надо позвать.

— Ага! Теперчи управдома позвать! — злорадствовал Козявкин:— А ну, получи меня теперчи! Завозили, сволочи!

Дальше он решил подать голос:

— Тут я, граждане! У лифте!

С быстротой молнии дом облетела новость: управдом застрял в подъемной машине.

Председатель правления послал за техником. Техника не оказалось на квартире. Вместо него привели водопроводчика.

Водопроводчик оказался не в курсе дела:

— Тут и кранов никаких не видать—не за что ухватиться.

Лестница кишела жильцами. Председатель правления, перевесившись через перила, кричал Козявкину:

— Алло! Василь Василич! Не падайте, вообще, духом. Вызволим. Не знаете ли адреса какого-нибудь техника? Нашего нет дома—в пивную ушодши.

— Позовите Брыкалова. Пантелеймонская, 5. Во дворе! — кричал из кабинки управдом.

Пока разыскивали техника, жильцы стояли и смотрели:

— А вдруг сейчас машина сорвется и вниз? Убьется, поди, управдом?

— Вчистую, целиком и полностью.

Но так как машина не падала, а техник не приходил, то всем стало скучно: ничего нового. Жильцы разошлись по квартирам, и жизнь потекла нормально. У кого было дело к управдому, тот прямо шел на лестницу.

— Товарищ управдом! Мне удостоверение заверить надо..

— Обождите, товарищ.

— Чего ждать? Мне ждать некогда. Сидят сложа руки в лифтах, а ты жди!

Дворник тоже приходил.

— Василь Василич! Насчет очистки ямы пришел сортирщик.

— Скажи—пущай завтра. Нонче, скажи, управдома дома нету. Ушел, дескать, в лифт и неизвестно, когда вернется...

Вызволили Козявкина только к самому закрытию ворот, т. е. к 12 ти ночи.

— Выключу!—решительно сказал себе управдом, выходя из кабинки — Усе кнопки выключу. Чистое безобразие!

Не знаю, удалось ли бы управдому осуществить свою угрозу. Но тут на помощь пришел счастливый случай: к утру без остатка украли мотор,—и выключать не надо.

Лифт приказал долго стоять!

Ив. Прутков

В ГОСТЯХ У КООПЕРАТИВНОЙ КРЫСЫ

В московском родильном доме крысы загрызли новорожденного младенца.

Из газет.

Рис. А. Радакова

Гостья:—Эх, милая, и свернуло ж тебя на кооперативной усушке да утруске. Вот у нас в родильном — не житье, а масленица!

КОРЫСТЬ

Отец Минимальский загнул полу подрясника, извлек из кармана брюк потертый очешник и подошел к стене.

На стене висел плакат о выигрышном займе.

— Гм!—сказал Минимальский, нацепив очки на толстый, пористый, как сморчок, нос.—Исхищряются!.. Выигрыш 100.000... Неправдоподобно!..

И, отойдя от стены, Минимальский снова отогнул полу подрясника и сунул очешник в карман.

Полустанок Карьи Бабы, на котором Минимальский ожидал поезда, был полон народу.

Протиснувшись между узлами и лежащими в повалку людьми, Минимальский тронул за плечо спящую на скамейке старушонку и вразумительно произнес:

— Дай место, мать! Лежишь, яко дуб поверженный, а сесть негде...

Старушка нехотя встала, зевнула, перекрестила беззубый рот, искоса поглядела на попа и заправила узловатыми пальцами седые космы за черный платок

— Охо-хо!—вздохнул Минимальский.— Исхищряются!..

— Вы насчет чего, батюшка?—спросила старушонка.

— Да все насчет их, большевиков. Сто тысяч выигрышу обещают... Неправдоподобно!.. Вот уж именно: «И во истине не стоит, яко несть истины в нем».

— Вы насчет займу, что-ли?—шмыгнула носом старушонка.

— Да.

— Купила, батюшка, купила. Две десятки и четыре рубли отдала.

— Надуют, ведь!—ахнул поп.

— Я сама, батюшка, думала, что надуют. Грешна, батюшка. А как Митрий Арфеныч у нас десять тысяч выиграл, так уж я,—грешна, батюшка,—верю.

— Выиграл?

— Выиграл.

— Наверняка свой. Рука руку моет. Большевик какой нибудь. Подстроено.

— Где ж подстроено, батюшка! Псаломщик это наш, Митрий Арфенов, ни в жисть большевиком не был...

— Гм!—снова сказал поп и снова, вынув очешник, направился к стенке.

Прочитав плакат два-три раза, Минимальский вернулся к старушке, забрал бороду в рот и задумался.

— Так верно говоришь, мать, что выиграл?

— Стара я врать-то, батюшка,—обиделась старуха.—Как есть выиграл, пьяный неделю ходил.

— Чудеса дивные!—сказал поп и замолчал.

Подходил поезд.

* * *

Минимальский бережно развернул платок, вынул облигацию и положил на стол перед попадьей.

— Что это у тебя?—спросила попадья.

— Облигация выигрышного займа. Не надувают, оказывается. Сам справлялся. О. благочинный говорит, что действительно некий псаломщик десять тысяч выиграл.

Попадья испуганно поглядела на попа.

— А ну как их выгонят?

— Кого?

— Большевиков-то... Пропадут деньги-то!

— Думал я, мать, об этом,—сказал Минимальский.—Ни весте ни дне, ни часа в онь приидут. Рискнем!

— А как же с молитвой-то?..

— С какой молитвой?

— Да об избавлении от ига ихнего... Которую ты сам сочинил, потайная.

— Молитву пока оставь!—смутился поп.—Пусть их живут, пока не выиграем. Хуже не будет...

— А если выиграем?

Поп встал из-за стола, задумчиво поскреб подмышкой и собрал в кулак бороду.

— Не уявися, что будет. Все от господа. Может быть, другую молитву сочиним...

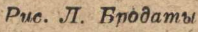
— О здравии?

Поп вздохнул и ничего не ответил.

Р. Волженин

ГУДОК НА РАБОТУ

(Для 16-го разряда и выше)

Рис. Л. Бродаты

— Ну, Алеша, пора тебе на службу—автомобиль дает гудок...

МОНОЛОГ МАРИНОВАННОЙ СЕЛЕДКИ

Не желая снижать цены, кооперативы простые селедки превращают в маринованные.

Люди жалуются в порядке амбиции,
А также по характеру спора:—
Один ломится в дверь рай-милиции,
А другой лезет в кабинет прокурора.
Но куда может обратиться скромно и кротко,
В учрежденье-ли, в прессу, к инспектору на-дом,
Простая, астраханская штучка-селедка,
Которую заставили быть маринадом?
Приходит покупатель, осторожен и зорок:—
(Под ласковым взором его устоишь-ли?)
— Почем селедки? Тридцать и сорок.
— А как-же—такса? А по таксе все вышли!

. . . .

Снижение цен—не пустяк, не игрушки,
Поверьте, из бочки выглянуть стыдно:—
Вместо сниженья, выводим полушки...
Даже селедке, и той обидно!
Довольно уксусных, мерзких лоханок,
Не желаю дольше терпеть конфуза:—
Прошу о переводе в разряд астраханок,
На благо трудящих Союза!

По личной просьбе астраханской гражданки Селедкиной
расписался *Александр Флит*

НОКТЮРН ШОПЕНА, ИЛИ —

Рис. Б. Антоновского

КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПОЛЕЗНУЮ ПЛОЩАДЬ КОНЦЕРТНОГО РОЯЛЯ, В СЛУЧАЕ СОКРАЩЕНИЯ КВАРТИРНОЙ ПЛОЩАДИ.

«ИЗОБРЕТАТЕЛЬ»

— С кем имею удовольствие?

— Федор Папуасов. Изобретатель. К вам.

— Садитесь. Чем могу служить?

— Услышал, что вы пописываете—прошу поддержать. А то работаешь-работаешь, изобретаешь-изобретаешь, ломаешь-ломаешь голову на пользу человечества и никакого, можно сказать, поощрения. Обидно.

— А что же вы изобретаете?

— Всякое, что придется. Для общей пользы человечества. Другие, которые научное изобретают: микроскопы, велосипеды разные, таблицы умножения, теоремы всякие, от которых никому ни тепло, ни холодно, а я ближе к жизни, по линии беспощадной борьбы с темными уклонами нашей общественности.

— Это интересно.

— Еще бы не интересно. Я уж много чего изобрел — очень все интересно.

— Например?

— А вот, например, на улице шляющихся много... шкеты. Сядет шкет на тумбочку, семячки лузгает, сорит, прохожих задевает. Против такого несознательного элемента я тумбу складную изобрел.

— Какую складную тумбу?

— А такую что как на нее сесть — она складывается, и тогда из нее игла торчит, так что кто раз сесть попробует, два сесть попробует,— уж на третий раз садиться не захочет. Тоже вот торговцы с лотками останавливаются, на приступочках, на крыльцах сидят—одно безобразие. Против них дворники ступеньки и выступы домов дегтем мазать начали. Но разве дегть поможет? Действительно, штаны или юбку он измарает, а у другого штаны такие, что для них деготь не грязь, а одна, извините за выражение, дезинфекция. Так я это средство усовершенствовал: у меня не деготь, а клей такой особенный: как торговка сядет, так и прилипнет на крепко, и теперь милиционер или дворник приходи и без всякой беготни бери их голыми руками, вынь их из одежи и веди куда надо.

— А если они не сядут и стоя будут торговать?

— И это предусмотрено, Торговец не сядет, а лоток куда-нибудь поставить надо? Ведь так? И вот во все такие места кладутся пузыречки с обструкцией моего изобретения. Сам и делал. Замечательный состав! Лоток тяжелый, пузырек под ним лопнет—вонь такая пойдет, что по в ей улице не продохнуть. Значит, торговцу наказание, потому вонючего товара у него никто теперь брать не будет, и потом по этому запаху этого торговца всякий человек с носом без всякой ищейки отыскать может в один момент.

— Это все мелочи. Важного общественного значения не имеют. Нет ли у вас чего посерьезнее?

— Посерьезнее? Пожалуйте посерьезнее Возьмем пьянство. Насчет пьяниц я имею такую теорему. Во всех пивнушках и ресторанах установить такую, скажем, норму: дюжина пива и бутылка водки, а что сверх этого - давать ему с касторкой. Пьяница выпьет и сей-ас же понесет последствие. Это и для здоровья ему полезно, и от вина его надолго отшибет.

— А если он с касторкой пить не будет?

— Будет. У меня—будет. Принудительными средствами можно заставить. Да настоящий пьяница и без принуждения все, что угодно, выпьет. Теперь еще серьезнее возьмем: налеты, кражи... Так я против них такое серьезное изобрел, что каждого человека навсегда от этого бандитизма отучит. Хоть это секрет, а вам скажу: у каждой квартиры около входной двери—западня, на манер капкана или волчьей ямы. Жулик захочет в квартиру войти — хлоп, и готово! Либо ему ногу капканом отхватило, либо он в яму свалился и голову себе сломал.

— Вор попадется. А как же другие-то в квартиру ходить будут?

— Через задний ход.

— А если вор через задний ход заберется?

— Тогда и у заднего хода яму вырыть, а самим в окошко лазить можно.

— А если и вор в окошко полезет?

— Бомбу на окно положить: вор полезет, бомбу сронит, тут его и на куски.

— А если на бомбу наткнется не вор, а посторонний?

— Что же делать. Для общества можно и пострадать. Тут действительно большая осторожность нужна, а вора жалеть нечего: собаке собачья смерть, его не исправишь. Ежели вот лентяя лодыря,—того исправить можно, и на это у меня особое научное изобретение имеется.

— Какое же—научное?

— А, изволите видеть — такое. Стоит лодырь на работе и все мечтает, как бы ему от станка улизнуть, чтобы папиросы курить, зубы скалить, вообще—зря трепаться. Тут я и пускаю в ход естественные силы природы: лодырю на живот прикрепляется наглухо кусок железа—бляха или брусок железный, а у станка—научный электро-магнит. Лодырь от станка.—а электро-магнит его за железный живот назад тянет. Чем сильнее лодырничество, тем сильнее и электричество пускается, чтобы лодырь железным животом к магниту прилип, и отойти ему никуда и никак не было бы возможно. Он час без дела постоит, два постоит, а на третий—соскучится и со скуки за дело возьмется. Так к работе, глядишь, и приохотится. Благодетельное изобретение.

— А вы его пробовали?

— В том-то и горе, что нет. К кому ни обращался с предложением— никакого внимания Поддержите хоть вы. Мне бы только пробу сделать, а уж там я такое изобрету, что чертям тошно станет. Убедительнейше вас прошу—поддержите изобретателя.

Ник. Урванцов

Готовится к печати специальный номер «СМЕХАЧА»

ГОГОЛЕВСКИЙ

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ВОПРОСИК В ПРОСТРАНСТВО.

Читаем в ленинградских газетах о том, как слесарь

> 2-ой электростанции Фролов, будучи недоволен врачом Г., ударил его трижды настольной лампой по руке и сломал руку.
> Слесаря задержали и направили в милицию.

А дальше читаем:

> в ту-же ночь нарслед имярек *арестовал Фролова на квартире.*

Позвольте!.. Позвольте! Фролова задержали, отправили в милицию и вдруг его арестовывают ночью на квартире!? Значит, милиция *выпустила* хулигана, напавшего на врача?

Значит, милиция по отечески отнеслась к негодяю и *предоставила ему возможность скрыться* и уж, конечно, не ее вина, если этот глупый растяпа Фролов ночевал дома и попал в руки правосудия?!

«Це дило треба разжуваты», как говорят украинцы.

Разжуем! Зубов хватит!

ЧЕЛОВЕК—НЕ ЧИЖИК!

(Вниманию розыскных органов).

Прочитали мы в газете, что

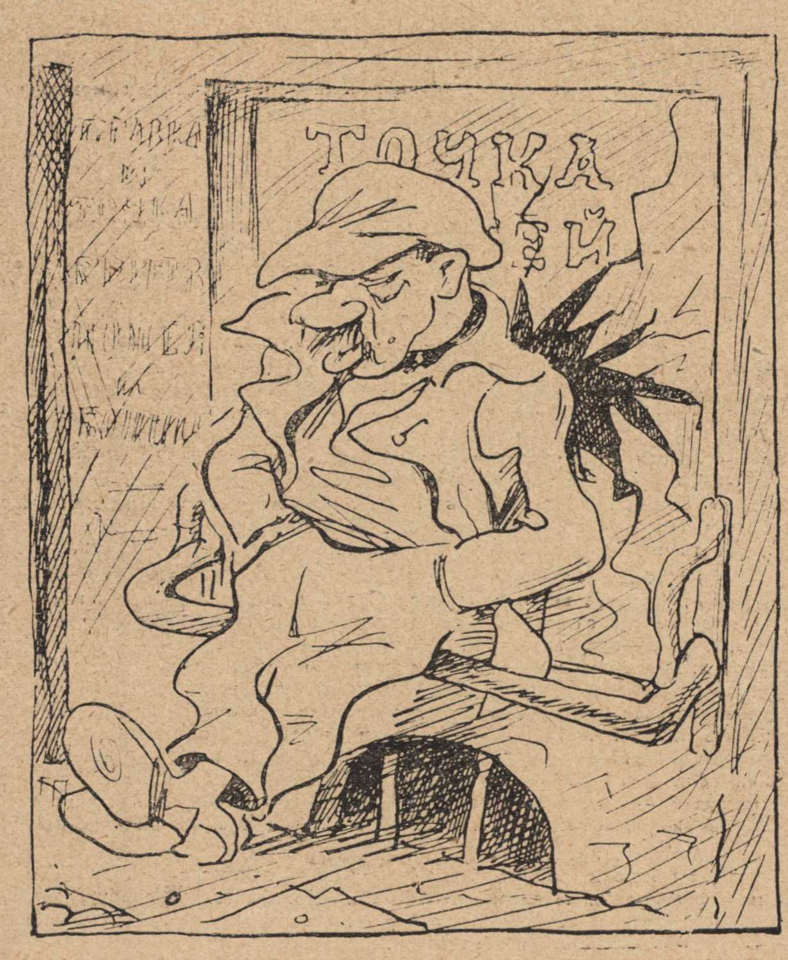
> еще недавно для скорости полета птиц давались гадательные цифры, подчас парадоксально большие (например, ласточка 300 километров в час). В настоящее время новые методы изучения позволили внести ясность в этот вопрос, снабдив зоологов вполне достоверными данными. Выяснилось, что скорость полета птиц хотя и велика, но гораздо меньше, чем принималось до сих пор. Так, почтовый голубь в безветренную погоду делает 60—70 километров в час, ворон—74 км, воробей—41 км, чайка - 50 км, зяблик—52 км, чижик—56 км.
>
> („К. Г.“).

Почему ни одна административная душа не заинтересовалась вопросом, сколько километров в час в безветренную, сухую погоду делает вне дома средний растратчик, имеющий от 2—3 детенышей?

Неужели же только чижики и зяблики могут претендовать на внимание со стороны научных и административных кругов СССР??

ПО ПЬЯНОЙ ЛАВОЧКЕ

Рис. Н. Радлова

ПОПАЛ В ТОЧКУ!

ДОМОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ХАРБИНЕ.

Многим читателям интересно будет узнать, что лучше всего учет жилых домов поставлен в Харбине:

В книге «Весь Харбин».

> в отделе «Фирмы и учреждения» мы находим характерную рубрику: «*Публичные дома*»... Чинно в порядке перенумерованы и перечислены публичные дома с указанием адресов и фамилий содержателей.
>
> Всего таких домов по справочнику числится 22, из них 12 числится за японскими резидентами. Япония может гордиться насаждением проституции в северной Манчжурии вообще, а в Харбине в особенности. В одной из японских газет в Харбине была даже напечатана полная сводка о доходности каждого дома и каждой гейши (проститутки) в отдельности, а также сколько поступило дохода от гейш японскому правительству.
>
> В граде Харбине мораль выше всего.
>
> *Главное полицейское управление во главе с начальником генералом Цзинем любит мораль и заботится о нравственности проституток.*

Непонятно, как столь «высокое» учреждение занимается такими пустяками!

Во всяком случае, читатель, будь сознателен и не пытайся называть строительство публичных домов... общественным строительством!

ПЕРЕПЛЮНУЛИ.

В «Красном Знамени» (№ 225) рассказывается о том, как

> в одном из сел Леднинского района некий предприимчивый мужчина, имеющий жену, находясь на свадьбе у своих знакомых, встретил девушку и, под влиянием выпитого вина, к концу вечера предложил девушке выйти за него замуж. На указание последней, что он женат, наш герой ответил, что он жену прогнал и предложил девушке отдаться ему. Девушка просила оформить отношения в ЗАГС'е. Но ЗАГС'а надо было ждать до утра, а герою не терпелось. Он убедил девушку пойти к нему на дом, а утром следующего дня пойти в ЗАГС.
>
> Девушка пошла. А на утро муж совместно с явившейся супругой вытолкали девушку в шею.
>
> Ее жалоба оставлена без последствий.

Бедный тов. Сосновский, когда вы писали о знаменитом «Гривеннике» в Одессе, думали ли вы, что в глухой сибирской тайге это же самое будут проделывать более хозяйственным способом?

Очевидно, режим экономии начинает проникать и в медвежьи углы.

СРЕДСТВО ОТ РАСТРАТЫ.

В одной из деревень Покровского уезда, Сар. губернии

> приказчик Палибин заявил пайщикам потребиловки, что им растрачено 120 рублей общественных денег и что тюрьмой с него ничего не возьмешь, а вот, если пайщики прибавят ему по 2 червяка в месяц, и оные 2 червяка будут ежемесячно вычитать в покрытие долга, то через 1/2 года от растраты ничего не останется.
>
> Пайщики поломали головы... и дали прибавку.
>
> («С. И»)

Только нашей пассивностью можно об'яснить тот факт, что такое исключительное универсальное средство от растраты не вышло за пределы сельской глуши.

А мы, признаться, думали, что только Губсуд помогает...

До чего стыдно?!

ЧТО ЧИТАТЬ КАЛУЖСКОМУ КРЕСТЬЯНИНУ.

Оказывается, судя по Воротынской избе-читальне, калужскому хлеборобу необходимы:—

> «Евангелие» в изложении Льва Николаевича Толстого.
> Игорь Северянин.—«Поэзы».
> Оскар Уайльд.—«Портрет Дориана Грея».
> Гейне и Гауптман.
>
> («К. К.»).

И представьте, какой несознательный народ: ни одной Северянинской поэзы не выучили, на Дориана Грея плюют, а Гауптмана матом кроют.

— Нам, говорит, про многополку и про картошку интересно, а уайльду эту самую—псу под хвост!

Тяжело работать на селе!

„ОПИУМ“ КАМВОЛЬНОГО ТРЕСТА.

Черниговский Райсоюз получил от Камвольного, треста партию платков, вполне удовлетворительных по качеству, но...

> большинство платков в центре рисунка имеет большущий крест, и покупатель разочарованно возвращает платок обратно:
>
> — Ні, голубятко, ці платкі нехай купляют попи для своіх жінок, нам ихе вони не пітрібні!
>
> («П.»)

Не для того ли и крестов понаставили, чтобы легче было гражданам чихать на «опиум для народа»?

А, в общем, сложная — наша жизнь: иной раз треста от церкви не отличить—и на том и на этой крест стоит...

Рис. И. Каликина

— Слыхал, Митрич, новость? Судить будут за растрату нашего заведующего ссыпным пунктом!

— Мол, значит, правда оказалась: я всегда говорил, что он когда-нибудь да засыпется.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Уж, кажется, до чего у нас просто разрешаются вопросы брака (при обоюдном согласии на регистрацию такового в Загсе достаточно и 15 минут), а вот поэту Федору Пшеничному и это кажется волокитой.

В «Журнале крестьянской молодежи» (№ 8) он придумал совершенно исключительную регистрацию брака:

— Эх, Наташа, люба мне ты.
Люб мне взор твой ясный...
Женимся.., мы этим летом...
— Что-же, я согласна.
— Пусть нас ветер обвенчает
Возле того дуба.

За венчание ветер ничего с брачущихся не возьмет, а придет время разводиться — ветер и брак расторгнет бесплатно.

А в Загсе за все это деньги платить надо.

*

Вот—заключительные строки из книжки стихов, озаглавленной «Синяк под глазом» (библиотека «Бегемота»):

Прочти, читатель, строки эти и подтверди, *благоговейн:*
— Все относительно на свете!—
Как говорит старик Эйнштейн.

Старик Эйнштейн по этому поводу пишет нам:

— Есть слово «рейнвейн»,—правильное слово! А слово «благоговейн» правильно только *относительно*...

*

На страницах московской «Правды» недавно появилось открытое письмо известной писательницы дореволюционной эпохи—А. Вербицкой.

Приводим из этого письма следующее место:

Если я с презрением читала когда-то все нападки буржуазных газет, то на ругань советской прессы в разных «Смехачах» я теперь реагирую болезненно.

«В *разных* Смехачах»—это не совсем точно. «Смехач»—*один* в СССР, и это необходимо подчеркнуть именно сейчас, в предподписочное время.

Выражаясь словами А. Вербицкой, мы говорим:

«Ключи счастья»—в руках того, кто во-время подписался на журнал «Смехач!»

ДОМАШНИЙ СКАНДАЛ, К КОТОРОМУ СЛУЧАЙНО ПРИПУТАЛИ ЛАБОРАТОРИЮ БЭЗЭ: Ленинград, канал Грибоедова, 18.

Не о звездах, не о море,
Не на выспреннюю тему,—
О колите, диабете
Написали мы поэму.
Кто здоров, прочтет едва-ли
О колите наши строчки.
Но, больные, - вы, конечно,
Нас прочтете без отсрочки.
Хоть большая это тайна,
Но нельзя молчать об этом:
О герое нашем скажем,
Что страдал он диабетом.
Диабетиков, герой наш,
Жил с женой и дочкой Зиной.
Хоть страдал он диабетом,
Не ходил он с кислой миной.
Почему-ж герой наш бедный
Не страдал хандрою черной?
Потому что хлеб к об'ду
Потреблял лабораторный!
Диабетиков от хлеба
Здоровеет без Сухума...
Диабетиков—смеется,
А жена его—угрюма...
Что за странность? Слезы, вздохи ..
Пред женой как не юли там,
Диабетикову ясно,
Что жена больна колитом.

Вдруг жена веселой стала —
По какой-такой причине?
Наш герой БЭЗЭ отведать
Дал дражайшей половине.

А она, БЭЗЭ отведав,
Изрекла такую фразу:
— Мне колит теперь не страшен!
Стала я здоровой сразу!

Диабетиков добавил:
— Все-бы шло у нас отлично,
Если-б только дочка Зина
Не была-бы анемична!

Хлеб БЭЗЭ—не чудо-ль?— в доме
Исчезал уж слишком скоро...
Но накрыть не удавалось
Диабетиковым вора!

Но прошла одна неделя...
Что за странная причина?—
Дочка вся преобразилась,
Хохотуньей стала Зина!

Зина песни напевает
С полным счастья светлым взором...
Ай-да дочка! это—Зина
Оказалась тайным вором!

Каждый день БЭЗЭ съедала!
Хлебец действовал отлично:
Уж она—не анемична,
Уж она не хлоротична!

Славно зажила семейка:
Ну, не дивная-ль картина?
Муж—здоров, жена—здорова
И здорова дочка Зина...

Диабетиковы сразу
Жизнью зажили иною:
Жизнь вошла в здоровья фазу—
Хлеб БЭЗЭ всему виною!

Хлеб БЭЗЭ—БЕЗ всякой фальши!
Хлеб БЭЗЭ—БЕЗ грязной пакли!
Хлеб такой здоровый вряд-ли
Вы достанете. Не так-ли?
В хлеб БЭЗЭ не влезть окурку,
Не проникнуть таракану!
Хлеб БЕЗЭ—все это знайте—
БЕЗО всякого обману!..

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

90. *Корнинский завод, «Прожектору».*

Песни, водка, танцы, карты —
Ночка темная была...
Электричество горело
До рассвета... Тра-ла-ла!

Тра-ла-ла - непонятно широким массам.

91. *В пространство, Фреду.* В ваших стихах явное преувеличение.

Танцевала и пела для ложи,
Меценат в ней высокий сидел.
Ничего, что с кокоткою схожа,
О, «доступность»—завидный удел!

Доступность кокоток не доходила до того, чтобы в кокотке сидел высокий меценат.

Может быть, низенький? Да нет—и то трудновато.

92. *Краснодар, П—допуло.* Что-то стишков нынче подвалило — не продохнуть! П—допуло пишет:

У кассира такового
Нет червонца рокового
И кричит он ей—уйди,
А она ему ругни.

Подражаем скромному кассиру и дружно кричим вам: уйди!

Издатель «ГУДОК». Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 25067. Тип. им. Зиновьева «Изд ва Лен. Правда», Ленинград, Социалистическая, 14. Зак. № 5008. Тираж 80.000

ВХОДНОЕ ПОСОБИЕ

По постановлению прусского правительства, б. императору Вильгельму выдается из казны один миллиард золотом, 25 000 моргенов земли и 4 замка.

Из газет.

Рис. А. Радакова

Вильгельм:—Кто говорит, что Гогенцоллернам нет места в Германии?